

РАЗГОВОР У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ*¹

Письмо от *Стародума*.

Москва, февраля, 1788.

Сегодня был у меня один из моих приятелей, который сказывал мне, что вчера зван был обедать к княгине Халдиной, но приехал к ней так рано, что она еще одевалась и его принять не могла, почему введен был в комнату подле уборной ее, так, что мог слышать все ее разговоры. Она много шумела с своею девушкою о нарядах; потом взглянула в окошко и, увидев, что подъехали к крыльцу санки: “Это санки Сорванцова,— сказала княгиня с веселым видом,— пусти его сюда”,— говорила она девушке своей. Через минуту приятель мой увидел вошедшего к княгине мужчину в наместническом мундире². Княгиня, в веселом духе пристав: “А! Сорванцов, голубчик, здравствуй! — сказала ему,— садись возле меня. Откуда?”

Сорванцов. Из присутствия³, княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я там так заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дело; всю эту пропасть мололи при мне; а как законом не запрещено судье спать, когда и где захочет, то я, сидя за судейским столом, предпочел лучше во сне видеть бред, нежели наяву слышать вздор.

Княгиня. Не понимаю, как ты мог с твоим любезным характером сделаться судьей! Знаешь ли что: пока я за туалетом, расскажи мне свою историю. Девка! румяны!

* Из третьей части *Полного собрания сочинений Фон-Визина*, издаваемого в Москве книгопродавцем Салаевым.

Сорванцов. Она коротехонька. Я нарисую вам всю картину моей жизни, прежде чем вы полщеки разрисовать успеете. Мне уже за тридцать лет. Первые осмнадцать, сидя дома, служил я отечеству гвардии унтер-офицером⁴. Покойник батюшка и покойница матушка выхаживали мне ежегодно паспорт для продолжения наук, которых я, слава богу, никогда не начинал. Как теперь помню, что просительное письмо в Петербург о паспорте посылали они обыкновенно по ямской почте, потому что при письме следовала посылочка с куском штофа⁵, адресованная на имя не знаю какой-то тетки полкового секретаря. Как бы то ни было, я не знал, не ведал, как вдруг очутился в отставке капитаном. С тех пор жил я в Москве благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался один господином трех тысяч душ. Недели две спустя после их кончины жестокое несчастье лишило меня вдруг тысячи душ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастье?

Сорванцов. Несчастье, которому, я думаю, в свете примера не бывало и не

37

будет. Полтора ста карт убили у меня в один вечер, из которых девяносто семь загнуты были *сетелева*⁶.

Княгиня. Ах! это слышать страшно!

Сорванцов. После этого несчастья хватился я за разум: перестал ставить большие куши, и

маленькими в полгода проставил⁷ я еще пятьсот душ в Кашире.

Княгиня. Как! Ты проиграл и Каширскую, где лежат твои родители?

Сорванцов. Я им тут лежать не помешал! Сверх того, не из подлой корысти продал я деревню, где погребены мои родители. За то, что тела их тут опочивают, мне ни полушки⁸ не прибавили.

Княгиня. Так и подлинно ты перед ними чист в своей совести!

Сорванцов. Итак, с полутора тысячью душами принялся я за экономию; вошел в коммерцию: стал продавать людей на службу отечеству; стал заводить в подмосковной псовую охоту; стал покупать бегунов, чтоб сделать себе в Москве некоторую репутацию. Ямской цуг⁹ был у меня по Москве из первых; как вдруг поражен я был лютейшим ударом, какой только в жизни мог приключиться моему честолюбию.

Княгиня. Ах, боже мой! Какое ж это новое несчастье?

Сорванцов. Я не знал, не ведал, как вдруг из моего цуга выпрягли четверню и велели ездить на паре. Этот удар так меня сразил, что я тотчас ускакал в деревню и жил там долго, как человек отчаянный. Наконец очнулся. “Я дворянин,— сказал я сам себе,— и не создан терпеть унижения”. Я решился или умереть, или по-прежнему ездить шестеркой¹⁰.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! Вот как вам всем думать надобно!

Сорванцов. Я кинулся в Петербург, где через шесть недель преобразили меня в надворные советники¹¹. Я странный человек! Чтоб найти, чего ищу, ничего не пожалею. Следствие этого образа мыслей было то, что меньше, нежели чрез год, из надворных советников перебросили меня в коллежские¹². Теперь я накануне быть статским¹³, а назавтра этого челобитную в отставку — да и в Москву, в которой, первые визиты сделав шестернею, докажу публике, что я умел удовлетворить честолюбию.

Княгиня. О! если бы все дворяне мыслили так благородно, и лошадям было бы гораздо легче! Ты сделал полезное дело и себе и ближним. Твой поступок, мой милый Сорванцов, содержит в себе чистое нравоучение.

Сорванцов. Я столько счастлив, что нашел себе подражателей. Я моим примером открыл ту истину, что чин заслуженный ничем не лучше чина купленного.

Княгиня. Не прогневайся, голубчик! Сия истина не весьма новая, ибо не ты первый купил себе право впрягать шесть лошадей. Я сама имела жениха обер-офицера, но не позволила ему о браке нашем и думать, пока не будет он иметь права возить меня четвернею. Покойный мой князь принужден был согласиться на мое требование.

Сорванцов. Я удивляюсь, княгиня, как могла ты ограничить свое честолюбие только четвернею. Ты б могла предписать жениху снискание права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцов, голубчик! Твое честолюбие выходило из меры. Ты хотел из

капитанов быть вдруг бригадирского чина. Я недавно читала римскую историю и нахожу, что твое честолюбие есть катилининское¹⁴. Берегись, Сорванцов, чтоб и тебя не постиг какой-нибудь бедственный конец.

Сорванцов. Я откроюсь тебе, княгиня, что каждую почту из Петербурга с трепетом писем ожидаю. Судьи, мои товарищи, решили одно дело, или лучше сказать, смошенничали. Обиженный

38

нашел в Петербурге покровительство, и сказывают, что всем нам беда будет.

Княгиня. Да ты неужели был заодно с бессовестными судьями?

Сорванцов. Нет, княгиня. Я согласился с ними для того, что не понимал дела, и мне пристойнее казалось им не противоречить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имеешь разум, Сорванцов. Я не постигаю, какого бы дела ты понять не мог.

Сорванцов. Оно писано было таким темным слогом, что без проницания чрезвычайного понять его никак невозможно.

Княгиня. А propos!¹⁵ (*К своей девушке.*) Ты мне анонсировала¹⁶ г. Здравомысла; где же он?

Девка (указывая на другую комнату). Вот здесь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда.

(Здравомысл входит.)

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моих заставила вас сидеть в скуке. (*К*

девке.) Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?

Девка. Да ведь стыдно, ваше сиятельство.

Княгиня. Глупа, радость. Я столько свет знаю, что мне стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомысл. Я, вошед сюда, помешал вашему разговору, который, сколько я приметил, был довольно серьезен.

Княгиня. Если позволите, мы разговор наш продолжать станем и просим вас не скрывать от нас ваших мыслей. (*Сорванцову.*) Продолжай!

Сорванцов. Поверьте мне, княгиня, что многие дела незаконно решатся сколько от бессовестности судей, столько и от бестолковости, с которою предложено дело.

Здравомысл. Не всегда судьи не понимают дела оттого, что оно предложено неясно; весьма часто не понимают для того, что не сделали привычки к делам и не приобрели способности к вниманию. Сия способность приобретается учением и чтением, но сколько у нас людей, которые порядочно учились и имели бы навык понимать читаемое? Я не требую судей ученых; но мне кажется, судья должен быть неотменно просвещен и уметь грамоте, то есть: знать по крайней мере правописание, чему — сам видал — немногие у нас умеют; хотя и то правда, что *запятая*, не в своем месте поставленная, иногда переменяет существо самого дела, следовательно, и заставляет судей решить неправильно.

Сорванцов. Но разве всему этому пособить не можно? Разве нельзя завести добрых судей,

которые бы имели и знание, и дарование понять дело?

Здравомысл. Мы видим, что у нас об этом и помышляют. Когда в российских городах заводятся университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных. Я хотел бы только, чтобы в университетах

39

наших преподавалась особенно *политическая наука**.

Сорванцов. Что вы чрез сию науку разумеете?

Здравомысл. Разумею науку, научающую нас правилам благочиния, науку коммерческую и науку о государственных доходах. Я хотел бы, чтоб у нас по сим знаниям сочинены были на каждую часть особенные книжки, по коим бы преподавалась в университетах политическая наука. Сим способом будет иметь Россия во всех частях гражданской службы людей годных и просвещенных. Я о сем размышлял довольно, но боюсь здесь распространиться, дабы сим не наскучить вам и тем, кои разговор наш читать будут.

Сорванцов. Я хотя и могу показаться вам головорезом, однако верьте мне, что я хотел бы сию минуту войти учеником в тот университет, где мог бы сделаться годным к службе и откуда вышед знал бы я, что получу место не то, где есть

* Под названием *политической науки*, кажется, автор разумел *политическую экономию*, которая в его время едва ли кем предложена была систематически. – *Примеч. Изд.*

только вакансия, но то, для которого я учился и к которому способен.

Здравомысл. Если бы я знал, что моя идея о заведении в университетах класса политической науки найдена была полезною и угодною, я охотно бы составил мое мнение, как к сему приступить удобнее. Находясь в чужих краях, я видел сам таковой класс; имею книжки, по коим политическая наука преподается, и говорил с теми людьми, кои преподают сию науку; но признаюсь вам, что без особенного побуждения боюсь, вместо удовольствия, нажить каких-нибудь неприятностей от тех людей, кои, сами пресмыкаясь в невежестве, думают, что для дел ничему учиться не надобно.

Сорванцов. Я слышал пословицу: не учась, в попы не ставят.

Здравомысл. С тех пор, как стали следовать сей пословице, попы наши очевидно стали лучше и просвещеннее, и сия часть граждан отправляет свою должность гораздо порядочнее. Я совершенно уверен, что если б взято было за правило: не учась, в судьи не определять, то бы между судьями невежество было гораздо реже.

Сорванцов. Я по себе чувствую, что без просвещения человек есть сожаления достойная тварь.

Здравомысл. Но разве нельзя унять грабителей и завести добрых адвокатов?

Сорванцов. Это не невозможно, но трудно и требует большого времени.

Здравомысл. По крайней мере, неужели нет средства пресечь взятки?

Сорванцов. Мудрено, сударь; ибо сверх того, что, кажется, сама природа одарила всякого судью взяточлюбивою душою, многие из них с чистыми правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честного человека. Он дворянин и имеет родню и знакомство, то есть: живет в обществе, имеет детей, требующих воспитания; но нет у него, кроме жалованья, других доходов; а жалованья получает только 450 руб. Скажите мне ради бога, как он может содержать жену, детей и дом такую малою суммою и в такое время, когда нужнейшие для жизни вещи взошли до цены невероятной? Хотя бы и не хотел, неволею должен сделаться взяточбратель. Ведь не все судьи таковы, как наш г-н *Бескорыст*. Он взятки никогда ни с кого не берет, но зато, можно сказать, умирает с голоду. Я скажу о себе: я имею достаток и, если смошенничаю, то заслужу без всякой пощады виселицу, равно как и все те ее, всеконечно, заслужили, кои, награбя богатства, не отстают от своего промысла и продают публично правосудие.

Княгиня. Но ты, любезный Сорванцов,

40

имеешь природный ум; ты ужась как в обществе ловок!

Сорванцов. К несчастью, мне не дано было воспитания. Родители мои имели о сем слове неправильное понятие. Они внутренне были уверены, что давали мне хорошее воспитание, когда кормили меня белым хлебом, никогда не

давая черного! Словом, чрез *воспитание* разумели они одно *питание*. Учить меня ничему не помышляли, и природный мой ум не получал никакого просвещения. По-французски выучился я случайно. Г-жа Лицемера, моя внучатная тетушка, вздумала детей учить по-французски. Тогда в Москву приехал из Петербурга француз, живший до того в Америке. Сей француз назывался, как теперь помню, *шевалье*¹⁷ *Какаду*. Тетушка моя получила к нему симпатию и приняла его в свой дом в наставники своим детям. Она взяла от родителей моих и меня учиться вместе с детьми своими. Я думаю, что не лишнее сделаю, если опишу вам характер моей тетушки и ее фаворита, а нашего наставника.

Тетушка моя выдавала себя в свете за чадолюбивую мать и верную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотрим, такова ли она была в самом деле.

В учреждении комнат первое внимание обращает она всегда на то, чтоб детская была гораздо далее от ее спальни: ибо крик малолетних детей ей нестерпим, хотя она нимало не скучает лаем трех болонских собачонок и болтаньем сороки, коих держит непрестанно подле себя. Вот доказательство ее чадолюбия!¹⁸

На стол тратит очень много, а есть нечего. Дети ходят оборванные и почти босые. Добрая хозяйка!

В церкви никогда никто ее не видит; но ни одного клуба, ни спектакля не пропускает. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, француз пустоголовый, из побродяг самая негодница, учил нас по-французски, то есть: дал нам выучить наизусть несколько вокабулов и начал с нами болтать по-французски. Грамматике нас не учил, считая, что она педантство.

Княгиня. С этой стороны он не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматике не училась, а изъясняюсь по-французски изряднехонько. Скажи мне: какие правила и чувства вселял в вас шевалье?

Сорванцов. Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому. Сей образ наставления есть обыкновенная система большей части чужестранных учителей. Шевалье наш был надменен, хвастлив и неблагодарен. Надменность его состояла в том, что он хозяев и слуг за людей не считал. По его словам, он знал все науки, которые и нам показать обещал. Особенно в телесных экзерцициях¹⁹ выдавал себя за мастера. Сии телесные экзерциции, которым и нас он обучал, состояли в том, что заставлял он нас распускать золото²⁰.

Княгиня. А в чтении упражнялись ли вы когда?

Сорванцов. Никогда; да я думаю, что наш шевалье и сам не умел грамоте: ибо я его ни за книгой, ни с пером в руках никогда не видывал. Позволь, княгиня, докончить характер бывшего моего учителя. Он приехал в Москву в самой нищенской бедности. Тетка моя накупила ему белья и взяла в свой дом, обеспечила его, во всем

нужном. В благодарность за то, когда у нас бывали гости, не пропускал он случая дерзким своим поведением показывать всем, в какой связи находится он с хозяйкою. Вот, княгиня, как провел я первую мою молодость. Вошед в свет, имел я несчастье попасть на весьма худое общество, где меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я в Москве с одним молодым человеком, который имел

41

просвещение и хорошее поведение. Он приучил меня к чтению книг и открыл мне, в каком невежестве я пресмыкаюсь. Рассудок, который природа мне даровала, родил во мне охоту выкарабкаться из кучи тех презрительных невежд, кои ни богу, ни людям не годятся. Я не скажу, чтоб сие мое старание имело успех совершенный: недостатки воспитания моего часто наружу выказываются; по крайней мере, не ставлю я моего невежества, подобно многим, себе в достоинство, и за перемену моих мыслей почитаю себя вечно обязанным тому молодому почтенному человеку, который наставил меня на стезю правую.

Княгиня. И мое воспитание было одно питание. Лучшую мою молодость провела я в Москве и такая была пречудная, что многие матери запрещали дочерям своим иметь со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чем поведение мое было нескромнее, тем была я славнее. Я не имела никого, кто бы

меня остеречь мог и чьи советы умили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я и до сего дня.

Здравомысл. То есть с вашим сиятельством сбудется пословица: каков человек в колыбельку, таков и в могилку.

Вот вам весь разговор так, как я имею его от приятеля моего Здравомысла. Вы можете поместить его в ваше периодическое творение. Характеры княгини и Сорванцова, кажется, списаны с натуры, и идея Здравомысла о заведении класса политической науки достойна того, чтоб не оставить ее без внимания. Я есмь и проч.